

Глава V Посвященный

Annus mirabilis, 1964–1965: ссылка в Норенскую

Из Архангельской пересыльной тюрьмы в середине апреля Бродского направили на место поселения в Коношский район Архангельской области. Тюрьма, издевательства конвоиров были нелегким испытанием, а вот жизнь в ссылке оказалась не страшна. Впоследствии на Западе журналисты, рассказывая о судьбе Бродского, упоминали «ГУЛАГ» и какие-то фантастические «арктические трудовые поселения»²²⁹, что у не слишком

227 Волков 1998. С. 82.

228 Из стихотворения «Не пугайся, я еще похожей...», входящего в цикл «Шиповник цветет. (Из сожженной тетради)». Написано в июле 1962 г., то есть в период, когда Бродский уже регулярно встречался с Ахматовой, и, вероятно, тогда же она читала ему эти стихи.

229 См., например, *Disch 1980; Kirsch 2000*. P. 40.

искушенного в российских географических и прочих реалиях читателя могло вызвать представление о вечных льдах и кандалах.

Вот как описывает южноафриканский писатель Джозеф Кутзее (лауреат Нобелевской премии 2003 года) в автобиографическом романе «Молодость» наивные и трогательные представления молодого жителя Лондона о Бродском и его ссылке (Кутзее пишет о своем автобиографическом герое в третьем лице):

«В программе „Поэты и поэзия“ передают беседу о русском по имени Джозеф Бродски. Обвиненный в тунеядстве, Бродски был приговорен к пяти годам каторжных работ в лагере на Архангельском полуострове [sic!] в северных льдах. Срок еще не кончился. Пока он сидит в своей теплой лондонской комнате, попивая кофе и грызя орешки с изюмом на сладкое, его сверстник, как и он, поэт, пилит бревна, пытаясь согреть отмороженные пальцы, затыкая тряпками дырявые сапоги, питаюсь рыбьими головами и капустным супом²³⁰. «Черен, как внутри себя игла,» – пишет Бродски в одном стихотворении. У него эта строка нейдет из головы. Если сосредоточиться, по-настоящему сосредоточиться, ночь за ночью, если он призван, то просто в силу концентрации благодать вдохновения снизойдет на него, и он сможет создать нечто, равное такой строке. Ибо в нем это есть, он знает, у него воображение того же тона, что у Бродски. Но как потом послать весть в Архангельск? На основании услышанных по радио стихов и ничего другого, он знает Бродски, знает его насквозь. Вот на что способна поэзия. Поэзия и есть правда. Но Бродски ничего не знает о нем в Лондоне. Как сообщить замерзающему человеку, что он с ним, рядом, изо дня в день?»²³¹

Конечно, ссылка не была повседневной идиллией, случалась тоска по дому, порой томило ощущение полной заброшенности, но вспоминал о ней Бродский по-другому: «Один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было»²³².

Коноша – узловая железнодорожная станция. Доехать от нее до Ленинграда можно за день. Это юго-запад Архангельской области, места километрах в ста к северу от Череповца, где Иосиф жил в младенчестве. Климат в тех краях ненамного отличается от ленинградского. Ссылный должен был сам найти себе работу. Бродский устроился, как он говорил, «батраком», то есть разнорабочим в совхоз «Даниловский». Среди «разных работ», которыми ему приходилось заниматься, были полевые:

А. Буров – тракторист – и я,
сельскохозяйственный рабочий Бродский,
мы сеяли озимые – шесть га.
Я созерцал лесистые края
и небо с реактивной полоской,
и мой сапог касался рычага.

Топорщилось зерно под бороной,
И двигатель окрестность оглашал.
Пилот меж туч закручивал свой почерк.
Лицом в поля, к движению спиной,

230 Образы, явно навеянные «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицына.

231 *Coetzee J. M. Youth: Scenes from Provincial Life II. London: Secker & Warburg, 2002. P. 91.* В свое время Бродский очень высоко оценил прозу Кутзее: «Только он и имеет право писать прозу после Беккета» (*СИБ-2. Т. 6. С. 402*). Перед самой смертью Бродского весьма огорчила прохладная рецензия Кутзее на его книгу «О скорби и разуме» (*Coetzee J. M. Speaking for Language // The New York Review of Books, February 1996*; Бродский успел его прочитать, поскольку журнал поступает к подписчикам обычно за две-три недели до обозначенной на нем даты).

232 *Волков 1998. С. 89.*

я сеялку собою украшал,
припудренный землицею, как Моцарт²³³.

(СНВВС)

В других стихотворениях он упоминает работу бондарем («Колесник умер, бондарь...», СНВВС), кровельщиком («Я входил вместо дикого зверя в клетку...», У), возницей («В распутицу», ОВП), а из его личных воспоминаний мы знаем, что ему приходилось трелевать бревна в лесу и пасти телят. По свидетельству одного из мемуаристов, Бродский также подрабатывал фотографией в коношском комбинате бытового обслуживания²³⁴.

Жилье он нашел в деревне Норенской. «Там стояло тридцать шесть или сорок изб, но жили только в четырнадцати. Главным образом старики и маленькие дети, остальные жители, вся молодежь, обладающая хоть какой-то жизнеспособностью и энергией, покидали это место, потому что оно было страшно бедным, совершенно безнадежным»²³⁵. Пожилые сельские жители шестидесятых годов принадлежали к последнему поколению, выросшему еще в старой крестьянской среде, до катастрофы коллективизации. Приняли они ссыльнопоселенца радушно, уважительно. Обращались по имени и отчеству: Иосиф Александрович. Быт был примитивный: надо было колоть дрова, таскать воду из колодца, читать и писать при свечах. Представление о быте Бродского в Норенской дают воспоминания историка А. Бабеньшева (Максудова).

«Я без труда и расспросов добрался до домика на самом краю деревни Норинская (правильно „Норенская“. – Л. Л.). Это был деревянный квадратный бревенчатый сруб, какие строят испокон веку по всей России, из бревен длиной 3,5–4 метра, то есть общей площадью 12–15 квадратных метров. Крошечное окошко из тех, что когда-то заделывали слюдой, тоже было типично для северных мест. <...> Здесь я впервые увидел оригинальный метод борьбы с клопами: стены, потолок и отчасти даже пол были плотно обклеены старыми газетами. <...> Вдоль одной из стен бревенчатый выступ отгораживал кладовку, с длинными полками из досок, которые были заставлены консервными банками, пакетами с разнообразными наклейками, составляя продуктовое изобилие, созданное усилиями посетителей. <...> Мебели в городском понимании этого слова не было. Слева от окна прибитый к стене дощатый стол с керосиновой лампой, пишущей машинкой, чернильницей в стиле барокко, как горделиво сообщил мне Иосиф – подарок Ахматовой. Над столом – полка с книгами, над ней в анфас развернут небольшого формата альбомчик с репродукциями Джотто. Топчан с соломенным матрасом, лавка с ведром для воды – вот и вся незамысловатая обстановка. На меня домик произвел очень приятное впечатление. Настоящее, изолированное, собственное пространство. Для нашего поколения это была немислимая роскошь. Конечно, не было газа, водопровода, электричества, теплого туалета – всех этих замечательных изобретений XX века, не было даже уборной-скворешни во дворе, придуманной стыдливými горожанами. Но были четыре стены, крыша и дверь, закрыв которую можно было отгородиться от всего мира, думать, сочинять, быть наедине с собой. Поколению Бродского, родившемуся и выросшему в плотно набитых коммуналках, хорошо знакома эта тоска по собственному пространству. Иосиф с гордостью показывал мне свои владенья...»²³⁶ Автор этих воспоминаний был

233 Детали этой, казалось бы, неприятной «зарисовки с натуры» даны в многозначительном контрасте. Пилот, совершающий эволюции в небе, напоминает о детской мечте автора стать летчиком. Летчиком стать не удалось, но даже и трясущийся на сеялке, «припудренный» землей он, «как Моцарт». Как раз на сельскохозяйственные реалии автор не обратил должного внимания: сеялка превращается в борону (это разные орудия, хотя возможно, тракторист называл культиваторный брус сеялки «бороной»). Странно звучит «топорщилось зерно». Видимо, по этим причинам стихотворение не публиковалось до собрания сочинений.

234 Забалуев 1990. С. 156.

235 Интервью 2000. С. 433.

236 Максудов 2000. С. 201-202.

направлен в Норенскую Вигдоровой и Чуковской, чтобы отвезти ссылке пишущую машинку, книги и продукты. Всего же родные, друзья и знакомые по меньшей мере десять раз навещали Бродского за полтора года ссылки, и трижды он получал разрешение съездить на несколько дней в Ленинград.